

Научная статья

DOI: 10.15826/koinon.2024.04.1.2.006

УДК 172.1

ФУКО VS ЛАКАН: К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ СУБЪЕКТИВАЦИИ

Павел Юрьевич Гордок

*Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
gordok.kostanay@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9832-537X>*

Аннотация: В статье сопоставляются подходы Мишеля Фуко и Жака Лакана к теории субъективации. Под теорией субъективации понимается теория, нацеленная на определение способов, которыми механизмы власти осуществляют конституцию субъекта. Первая часть работы посвящена деконструкции теории субъективации М. Фуко и концептуализированных им практик, направленных на сопротивление господствующим аппаратам производства субъективности («культура себя», «забота о себе»). Во второй части фукианские практики сопротивления критикуются с позиции психоаналитической (лакановской) теории. Сопоставление подходов ориентировано на выявление позиции, способной иметь действительные политические последствия: последствия, преломляющие логику авторитарного процесса субъективации. Такая позиция обнаруживается в объектно-дезорientированной онтологии — онтологии, вытекающей из лакановского психоанализа.

Ключевые слова: субъективация, «культура себя», желание, идеология, объектно-дезорientированная онтология

Для цитирования: Гордок П. Ю. Фуко vs Лакан: к вопросу о теории субъективации // Koinon. 2024. Т. 4. № 1–2. С. 87–95. DOI: 10.15826/koinon.2024.04.1.2.006

© Гордок П. Ю., 2024

Original article

FOUCAULT VS LACAN: ON THE QUESTION OF THE THEORY OF SUBJECTIVATION

Pavel Y. Gordok

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
gordok.kostanay@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9832-537X>

Abstract: In the article the approaches of Michel Foucault and Jacques Lacan to the theory of subjectivation are compared. The theory of subjectivation is conceptualized as a theory aimed at determining the ways in which mechanisms of power implement the constitution of the subject. The first part of the paper is deconstructing Foucault's theory of subjectivation and the practices reconceptualized by him aimed at resisting the dominant apparatuses of subjectivity production ("culture of the self", "care of the self"). In the second part, Foucauldian practices of resistance are criticized tracing from the statement of psychoanalytic (Lacanian) theory. The comparison of approaches is oriented towards identifying a position capable of having real political consequences: that overcome the (logical) pattern of the authoritarian process of subjectivation. Such a position is found in an object-disoriented ontology, derived from Lacanian psychoanalysis.

Key words: subjectivation, «the culture of the self», desire, ideology, object-disoriented ontology

For citation: Gordok, P. Y. (2024), "Fuko vs Lakan: k voprosu o teorii sub'ektivatsii" [Foucault VS Lacan: on the Question of the Theory of Subjectivation], *Koinon*, vol. 4, no. 1–2, pp. 87–95 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2024.04.1.2.006

Тенденция во французской мысли прошлого столетия, направленная на подрыв метафизического фундаментализма, не могла не сказаться на переосмыслении статуса этики как философской дисциплины, традиционно отвечающей на вопросы о человеческой воле, сущности добра и зла, природе и функции морали. Синонимично онтоко-онтологическому различию внутри этического дискурса произошел раскол между моралью и этикой, где первая выступает в качестве свода обязательных предписаний, основанных на требовательности должностования, тогда как вторая предполагает, что оценки действий «выступают не как ценности, но как способы бытия, формы существования тех, кто судит и оценивает» [Делёз 2003, с. 34]. Иными словами, этика освобождается от трансцендентных правил и преданных установок, уступая осмыслению имманентных «различающих элементов», служащих такой оценке: тех верований, чувств и мыслей, «каковые мы считаем достойными нашего способа бытия или нашего жизненного стиля» [Там же].

Между тем, вопрос о том, насколько операциональна безосновная этика, в какой мере она оказывается применимой за пределами «чистого» вопрошания, оставался открытым. Интеллектуалы стремились получить вполне конкретные ответы на вновь возникающие общественные дилеммы, имевшие серьезное влияние не только на политическую, но и на повседневную жизнь французского социума. Очевидно, что «политическим бессознательным» французских интеллектуалов являлось стремление к эмансипации — в первую очередь, к формированию собственной субъективности, не подчиненной механизмам дискурсивного контроля со стороны аппаратов реализации власти. В этой связи целью настоящей статьи является сопоставление концепций двух мыслителей, внесших, с одной стороны, значительный вклад в теорию субъективации, с другой стороны, состоявших в заочном споре, — Мишеля Фуко и Жака Лакана, — причем сопоставление, направленное на поиск такой позиции, которая способна иметь реальные *политические* последствия, прерывающие господствующие тенденции в вопросах субъективации и конституирования субъекта.

Генеалогия субъекта и «культура себя»

Конкретно-исторические события, в частности майские события 1968 г. в Париже, вновь пролили свет на вопрос о том, как возможно этическое/политическое действие, направленное на эмансипацию, высвобождение за рамки авторитарно структурированной субъективности. Одним из пионеров на этой стезе стал М. Фуко: «...мы вдруг ощутили, что под государственными органами на совершенно ином уровне и до некоторой степени от них независимо, существовала целая механика власти, осуществлявшаяся постоянно, непрерывно и насильственно... И это пробудило у меня интерес к изучению таких неявных сил власти, власти невидимой, то есть тех видов власти, которые связаны с институтами знания и здравоохранения. ...Великие движения, связанные с событиями 1968 г., были направлены против этого типа власти» [Фуко 2002б, с. 173]. Фуко анализировал конкретно-историческое состояние человека с помощью метода генеалогии, основанного на рассмотрении взаимодействия трех ее модусов: власти, знания (истины) и субъекта. Субъект формируется в результате «игры» механизмов власти и производства истин: «...механизмы власти делают возможными и продуцируют... производства истин, ...[а также] эти производства истин сами оказывают властные воздействия, которые нас связывают и сковывают» [Фуко 2002а, с. 286].

Для М. Фуко ряд практик, в том числе телесных, создают определенный символический порядок, внутри которого поведение, выходящее за рамки такого порядка, признается ненормальным. Само представление о ненормальности спонтанно сконструировано в ряде дискурсов, впоследствии

зафиксированных в качестве единственно истинных и распространяемых посредством сети институтов, стратегий и техник отправления власти, рассматривающих (и, соответственно, формирующих) субъект совершенно определенным образом. Так, в цикле лекций «Ненормальные» М. Фуко особенно подчеркивает скорее бюрократическую, нежели научно-правовую функцию экспертиз, проводимых психиатрами при определении степени адекватности преступника: «...познавательный эффект психиатрической экспертизы равен нулю, но это не так уж важно. Ее ключевая роль заключается в том, что она узаконивает в виде научного знания распространение наказывающей власти за пределы правонарушения» [Фуко 2005, с. 40]. Иначе говоря, психиатр выступает в качестве воспитателя, но не исследователя: объединяясь с правовыми предписаниями, медицинское знание становится легитимным источником дискурсивного закрепощения «ненормальных». Научное знание, вступая в отношения с механизмами власти, входит в противоречие со своим первоначальным назначением и оказывается инструментом контроля над индивидом и обществом — оно более не дескриптивно, но нормативно.

В попытках найти способы борьбы со сформированной «извне» субъективностью в позднем творчестве французский мыслитель обращается к античным практикам воспитания себя. В глазах М. Фуко, идущего вслед за стоиками, ответственность за персональную эмансипацию лежит на плечах каждого отдельного человека. Под эмансипацией в данном случае понимается не столько сопротивление дискурсивному закрепощению (то есть не «негативная» свобода), сколько свободное конструирование субъективности посредством особых персональных практик (или «позитивная» свобода). Вместо того чтобы ограничивать себя за счет трансцендентных предписаний этического характера, человеку, стремящемуся к эмансипации, необходимо учредить «собственную... субъективность со своим особым дискурсом, позволяющим реализовывать свое удовольствие» [Федичева 2010, с. 144]. Отметим, что удовольствие здесь понимается как нечто противопоставляемое самоограничению. Между тем, важно понимать, что самоограничение также апеллирует к удовольствию; иными словами, неизбежность удовольствий учитывается механизмами контроля. Например, христианство, в обыденном представлении нивелирующее роль удовольствия в жизни человека как несправедного и излишне плотского, на самом деле стремится скорее подчинить удовольствия собственным предписаниям. В акте исповеди совершается своего рода сублимация удовольствий, продуцированных грешными деяниями: «...всё большее и большее значение в покаянии... придает[ся]... всяческим вкрадчивым проявлениям плоти: мыслям, желаниям, сладострастным фантазиям, наслаждениям, слитным движениям души и тела, — всё это отныне должно войти, причем в деталях, в игру исповеди и наставления. В соответствии с новым пастырством секс не должен именоваться без специальных

предосторожностей; но его аспекты, его корреляты, его эффекты должны быть прослежены вплоть до их тончайших ответвлений: тень, промелькнувшая в грезах, задержавшийся в сознании образ, непредотвращенное общичество между механикой тела и попустительством духа — обо всем должно быть сказано...» [Фуко 1996, с. 114]. Когда М. Фуко говорит о «своем» удовольствии, имеется в виду эмансипированное, персональное удовольствие, не подчиненное дискурсивному воздействию со стороны. Итак, французский мыслитель допускает возможность выбора между набором заранее существующих субъективностей, произведенных властными структурами, и самостоятельным формированием себя. Последнее и есть «забота о себе», одновременно утверждающая свободный статус субъективности и позволяющая ускользнуть от авторитарного символического порядка, исключаящего плеяду «ненормальных» способов отправления жизнедеятельности. Причем фактор принадлежности удовольствий *самому себе*, неразрывно связанный с традиционной для французской мысли категорией телесности, оказывается для М. Фуко ключевым в вопросах конституирования самости и самовластия.

Действительно, в соответствии с проектом отказа от метафизических пред-установок, нельзя не признать обстоятельство изменчивости и историчности субъективностей, существовавших в прошлом и сосуществующих сегодня. Дискурсы о «природе» и сущности субъекта, зафиксированные в качестве истин и тиражируемые посредством конкретно существующих институтов отправления власти, оказывают существенное влияние на формирование идентичности. Например, в рамках неолиберального университета студент вынужден учитывать набор квантификаторов, сказывающихся на его материальном обеспечении: «балльно-рейтинговая система, влияющая на заселение студента в общежитие или на его стипендиальную поддержку, создает условия для формирования идентичности, нацеленной на конкуренцию (поскольку места в общежитии ограничены) и испытывающей личную ответственность за достигнутый (или не достигнутый) результат» [Гордок 2023, с. 180–181]. Так, проблема подхода М. Фуко к вопросу о возможности эмансипации состоит не столько в предпосылке об изменчивом характере субъективности, сколько в способах борьбы с закрепощающей субъективацией. «Забота о себе» по своей сути является *аполитичной* практикой подрыва авторитарного символического порядка, поскольку она характеризуется направленностью не «вовне», но «внутри» себя. Иными словами, фукианская стратегия эмансипации ориентируется на борьбу с последствиями символической системы координат, но не с ней самой. «Культура себя» выступает в качестве легитимного (в рамках данной символической установки) и безопасного для механизмов власти способа сопротивления, включенного в идеологический проект, она есть «игра на чужом поле». В самом деле, сопротивление символическому порядку и преодоление сконструированных «извне» моделей субъективности должно осуществляться

на началах, порывающих с самой логикой функционирования такого порядка. Подобный методологический ход обнаруживается в лакановском психоанализе.

Онтология и этика психоанализа: политические последствия

Ключевым понятием в психоаналитической теории субъективации является желание. Желание в качестве ядра этики психоанализа противостоит трансцендентным этическим категориям, среди них Ж. Лакан в первую очередь выделяет благо. В отличие от блага бессознательное желание не может быть подвергнуто процессу дискурсивизации, более того, «желание направляет субъекта не к какому-то благу, а к демонтажу любого блага и является по существу бытием к смерти» [Власов 2012]. В том случае, если регистр Реального, несимволизируемым остатком которого является объект *a*, или недостижимый объект желания, не учитывается субъектом, создаются условия для производства и функционирования репрессивных аппаратов контроля. Такие аппараты — вслед за Славоем Жижекком — здесь и далее будут упрощенно именоваться *идеологией*. Объект *a* одновременно является пределом идеологии и «воплощением избыточного наслаждения» [Жижек 1999, с. 87]: парадоксальным образом предполагаемая объектом *a* нехватка продуцирует избыточность. Отсюда: именно невозможность достижения объекта желания создает коренное условие для функционирования идеологии. Так, Карл Маркс описал структурную нехватку капитализма следующим образом: «Настоящий предел капиталистического производства — это сам капитал... Средство — безграничное развитие общественных производительных сил — вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью — увеличением стоимости существующего капитала» [Маркс, Энгельс 1961, с. 274]. Иными словами, развитие капитализма в конечном счете ограничивает сам капитализм, загоняет его в рамки, созданные им же самим. Для обретения устойчивости капитализму необходимо непрерывно революционизировать условия собственного существования [Жижек 1999, с. 59], получая всё новые и новые формы функционирования. Выходит, что, отказавшись от избыточного наслаждения, «мы теряем и само наслаждение» [Там же]. По этой причине, например, постулированный Фрэнсисом Фукуямой «конец истории», связанный с победой либеральной демократии после холодной войны, делает невозможным существование самой либеральной демократии: ей всякий раз необходима фигура Врага (центральное звено идеологии, вокруг которого структурируются ее означающие). Таким образом, задачей идеологии нельзя назвать достижение изначально постулированного идеала, ее задачей является *поддержание собственной устойчивости*. В стратегии М. Фуко осуществляется именно такая процедура: отказ от противостояния, или «критики», идеологии в пользу своеобразного эскапизма ведет к ее воспроизводству на обновленных, революционизированных

началах, способствующих сохранению устойчивости идеологической формы. Хотя может показаться, что первоначально самостоятельно сконструированная субъективность противостоит официальной идеологии, это не означает, что при переустройстве идеологии с целью сохранения собственного существования такая субъективность не будет включена в перечень «нормальных» и «допустимых». Например, «политика идентичности», подразумевающая самостоятельную идентификацию конкретного индивида на основании пола, гендера или расы, включена в неолиберальный проект на тех же основаниях, что и консервативная субъективность, базирующаяся на идеях нуклеарной семьи и «традиционных ценностях».

В отличие от М. Фуко, Ж. Лакан отрицает возможность эмансипации субъекта посредством примыкания к ряду практик, продуцирующих «свое» удовольствие. Согласно Ж. Лакану, никакого «своего» удовольствия нет, желание есть всегда желание Другого [Лакан 1998, с. 195]. Более того, приносящее парадоксальную боль излишнее удовольствие, или, собственно, наслаждение, *jouissance*, деструктивно для самого субъекта, поскольку, несмотря на невозможность его окончательного достижения, оно всегда находится в некоем поле видения, составляет фундаментальный вектор желания. Желание есть *нехватка*, именно поэтому этический акт состоит в отказе от конечного удовольствия, в смелости признать невозможность достижения объекта желания. Выходит, что сам Субъект становится невозможным, однако именно эта невозможность и обеспечивает возможность сопротивления должностованию, или дискурсу Господина. Принципиальная открытость и незавершенность этического субъекта в лакановском психоанализе предполагает наделение этики политическим содержанием: индивидуальный акт, заключенный в императиве «не уступать в своем желании», на самом деле направлен «вовне», но не «внутри» себя. Иными словами, этический субъект Ж. Лакана, обосновывая себя в Реальном, или в коренном антагонизме, осуществляет подрыв господствующей онтологии, что значит: он выходит за границы преобладающей системы символических координат.

Альтернативой фукианской стратегии противостояния ответственным за субъективацию аппаратам власти, представляющей реальную «угрозу» господствующему символическому порядку, может выступить объектно-дезорientированная онтология — «онтология, “дезорientированная” тем, что Ж. Лакан называет объектом *a*» [Зупанчич 2020, с. 53]. Онтология, «вытекающая из психоаналитической (лакановской) теории» [Там же], учитывает регистр конститутивной травмы, разрыва, «трещины», нехватки или отчуждения. Кроме того, выход за рамки установленных символических координат и преодоление репрессивных способов конституции субъекта единственно возможны посредством признания невозможности не только Субъекта, но и Общества (социального тела). Любая идеология не допускает возможности

политического действия¹, направленного на подрыв ее устойчивости. В то же время объектно-дезорientированная онтология вводит в философию политическое измерение, способное претворить утопию в жизнь: «Утопия в этом смысле означает: делай то, что в данных символических координатах кажется невозможным. Возьми на себя риск поменять сами координаты» [Жижек 2013, с. 125]. Одновременно само понимание политики также должно претерпеть трансформацию: «Только... через предположение, что... апокалипсис уже случился, ...возможно рождение новой мыслимости (невозможной возможности)... политики...» [Руда 2016, с. 37].

Список источников

- Власов 2012 — Власов А. Грядущие назад субъекты Лакана и Фуко // Топос. 2012. URL: <https://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/gryadushchie-nazad-subekty-lakana-i-fuko> (дата обращения: 25.02.2024).
- Гордок 2023 — Гордок П. Ю. Повседневность неолиберального субъекта: взаимодействие макро- и микроструктур идеологии // Идеи и идеалы. 2023. № 2 (1). С. 25–37.
- Делёз 2003 — Делёз Ж. Ницше и философия. М. : Ad Marginem, 2003. 392 с.
- Жижек 1999 — Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М. : Художественный журнал, 1999. 236 с.
- Жижек 2013 — Жижек С. Реальность виртуального // Vita Cogitans. 2013. № 7. С. 111–126.
- Зупанич 2020 — Зупанич А. Что есть секс? СПб. : Скифия-принт, 2020. 262 с.
- Лакан 1998 — Лакан Ж. Семинары. Книга 1 (1953–1954). Работы Фрейда по технике психоанализа. М. : Логос, 1998. 432 с.
- Маркс, Энгельс 1961 — Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25. Ч. 1. М. : Государственное издательство политической литературы, 1961. 546 с.
- Муфф 2004 — Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. 2004. № 2 (42). С. 180–197.
- Руда 2016 — Руда Ф. Сначала как «Политика», затем как «Искусство» // Stasis. 2016. Т. 4, № 2. С. 22–38.
- Федичева 2010 — Федичева К. В. Забота о себе: философский, онтологический и этический аспекты // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2010. №3. С. 136–144.
- Фуко 2002а — Фуко М. Власть и знание // Интеллектуалы и власть. Ч. 1. Статьи и интервью, 1970–1984. М. : Праксис, 2002. С. 278–302.
- Фуко 2002б — Фуко М. Власть и тело // Интеллектуалы и власть. Ч. 1. Статьи и интервью, 1970–1984. М. : Праксис, 2002. С. 161–171.
- Фуко 1996 — Фуко М. Воля к знанию // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М. : Касталь, 1996. С. 97–268.
- Фуко 2005 — Фуко М. Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году. СПб. : Наука, 2005. 432 с.

¹В некотором смысле реальное политическое действие немислимо вообще. Однако позиция Франка Руда, утверждающая невозможность политического действия, имеет скорее концептуальный характер: предполагается, что невозможно конечное (фиксированное, окончательное) политическое действие. «Необходимо отказаться от самой мысли о том, что когда-нибудь потребность в разногласиях отпадет, потому что общество будет “правильно устроено”» [Муфф 2004, с. 197].

References

- Deleuze, G. (2003), *Nietzsche i filosofiya* [Nietzsche et la Philosophie], Ad Marginem, Moscow, 392 p. (in Russian).
- Fedicheva, K. V. (2010), “Zabota o sebe: filosofskii, ontologicheskii i eticheskii aspekty” [The Care of the Self: Philosophical, Ontological and Ethical Aspects], *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal], vol. 3, p. 136–144 (in Russian).
- Foucault, M. (1996), “Volya k znaniyu” [La volonté de savoir] in *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual’nosti* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality], Kastal’, Moscow, p. 97–268 (in Russian).
- Foucault, M. (2002), “Vlast’ i telo” [Pouvoir et corps] in *Intellektualy i vlast’* [Intellectuals and Power], Praksis, Moscow, vol. 1, p. 161–171 (in Russian).
- Foucault, M. (2002), “Vlast’ i znanie” [Power and Knowledge] in *Intellektualy i vlast’* [Intellectuals and Power], Praksis, Moscow, vol. 1, p. 278–302 (in Russian).
- Foucault, M. (2005), *Nenormal’nye: kurs lektsii, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1974–1975 uchebnom godu* [Les Anormaux: cours au Collège de France (1974–1975)], Nauka, Saint Petersburg, 432 p. (in Russian).
- Gordok, P. (2023), “Povsednevnost’ neoliberal’nogo sub”ekta: vzaimodeistvie makro- i mikrostruktur ideologii” [The Everyday Life of the Neoliberal Subject: the Interplay of Macro and Micro Ideological Structures], *Idei i Idealy* [Ideas and Ideals], vol. 2 (1), p. 25–37 (in Russian).
- Lacan, J. (1998), *Seminary. Kniga 1 (1953–1954). Raboty Freida po tekhnike psikhooanaliza* [Les écrits techniques de Freud (Séminaire I, 1953–1954)], Logos, Moscow, 432 p. (in Russian).
- Marx, K., Engels, F. (1961), *Sochineniya* [Collected Works], Gosudarstvennoe izdatel’stvo politicheskoi literatury [The State Edition of Political Literature], Moscow, vol. 25 (1), 546 p. (in Russian).
- Mouffe, Ch. (2004), “K agonisticheskoi modeli demokratii” [The Democratic Paradox], *Logos*, vol. 2 (42), p. 180–197 (in Russian).
- Ruda, F. (2016), “Snachala kak ‘Politika’, zatem kak ‘Iskusstvo’” [First as ‘Politics’, Then as ‘Art’], *Stasis*, vol. 4 (2), p. 22–38 (in Russian).
- Vlasov, A. (2012), “Gryadushchie nazad sub’ekty Lakana i Fuko” [The Subjects of Lacan and Foucault Coming Back], *Topos*, URL: <https://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/gryadushchie-nazad-subekty-lakana-i-fuko> (accessed 25.02.2024) (in Russian).
- Žižek, S. (1999), “Vozvyshennyi ob”ekt ideologii” [The Sublime Object of Ideology], *Khudozhestvennyi zhurnal* [Art Magazine], Moscow, 236 p. (in Russian).
- Žižek, S. (2013), “Real’nost’ virtual’nogo” [The Reality of the Virtual], *Vita Cogitans*, vol. 7, p. 111–126 (in Russian).
- Zupančič, A. (2020), *Chto est’ seks?* [What is Sex?], Skifiya-print, Saint Petersburg, 262 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 26.02.2024;
одобрена после рецензирования 15.03.2024;
принята к публикации 01.04.2024

The article was submitted 26.02.2024;
approved after reviewing 15.03.2024;
accepted for publication 01.04.2024

Информация об авторе

Гордок Павел Юрьевич — магистрант
департамента философии
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Information about the author

Gordok Pavel Yu. — master’s student
at the Department of Philosophy
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia